

На безмолвіе во время поста

Святитель Григорій Богословъ

Проповѣдь переиздана царской орѳографіей для официальной страницы
Свято-Николаевскаго и Свято-Георгіевскаго Храмовъ
Кубанскаго Казачьяго Войска за Рубежомъ
www.stnicholasredbank.com
отъ страницы zavet.ru

Издательство Преп. Сергія Радонежскаго
При Свято-Николаевскомъ Храмѣ
Красноберегово, Нью-Джерси, США

2009

Умолкни, любезный языкъ; и ты, перо мое, пиши слова безмолвія, рассказывай глазамъ вѣщанія сердца!

Когда, принося таинственную жертву человѣческимъ страданіямъ Бога, чтобы и самому мнѣ умереть для жизни, связалъ я плоть на сорокъ дней, по законамъ Христа-Царя, такъ какъ исцѣленіе дается тѣламъ очищеннымъ, тогда, во-первыхъ, привелъ въ колебимость умъ, живя одинъ вдали отъ всѣхъ, обложившись облакомъ вѣрованія, собравшись весь въ себя и неразвлекаемый мыслями, и потомъ, слѣдуя правиламъ святыхъ мужей, приложилъ дверь къ устамъ. Причина этому та, чтобы, воздерживаясь отъ всякаго слова, научиться соблюдать мѣру въ словахъ.

Кто противъ многихъ подѣмлетъ разящее копье, тотъ удобно усмиряетъ немногихъ. Кто издали бросаетъ вѣрно въ цѣль крылатая стрѣлы, у того на близкомъ разстояніи никогда не пролетитъ стрѣла мимо цѣли. И корабль мореходный, который переплывалъ обширныя моря, смѣло можно посылать въ плаваніе, не дальнее отъ пристани. Кто одержитъ верхъ въ маломъ, о томъ еще сомнительно, преуспѣетъ ли и въ великомъ, хотя и сильно желаетъ. Но кто производитъ великое, о томъ нѣтъ сомнѣнія, что, если захочетъ, легко превзойдетъ другихъ и въ маломъ. Поэтому-то и я совершенно связалъ у себя силу слова, ибо надѣялся, что послѣ изъ устъ моихъ уже не вылетитъ лишняго слова.

Языкъ всего пагубнѣе для людей. Это конь, всегда убѣгающій впередъ, это самое уготованное оружіе. Иной все видитъ, но руки у него достаютъ очень немного, именно то, что подъ ногами, ноги же его не обходили цѣлой земли. И убійцѣ надо бороться съ трудомъ; прелюбодѣй трепещетъ своей бѣшеной страсти; ворами всего страшнѣе день. И богатство обременительно; однимъ обладаю, а другое уже потерялъ; столько удерживаю у себя въ рукахъ, сколько можно удержать жидкости горстью. Корабль, дальній путь, разбойники, насытый человѣкъ, который простираетъ жадные взоры на чужое достояніе, — вотъ сколько противниковъ у всякаго златолюбца! И худымъ не безъ труда, не безъ труда и добрымъ. Но ничто не удерживало языка, скорого на слово, — ни человѣкъ, ни снѣгъ, ни потокъ, ни каменный утесъ. Стрѣлокъ уже близко; немилосердная стрѣла вложена уже въ лукъ, и на раздвоенныхъ ея концахъ въ дугу изогнулась тетива; мысль спустила стрѣлу; она понеслась и все низлагаетъ — небесныхъ и земныхъ, живыхъ и еще не родившихся, остерегающихся и неосторожныхъ, добрыхъ и злыхъ, непріятелей и друзей, дальнихъ и близкихъ. Для этой стрѣлы вездѣ цѣль; и кто мечетъ ее, тому первое мѣсто между мудрецами.

Много срамного излагаетъ языкъ похотливыхъ. Достойный смѣха, чтобы ему возбудить въ людяхъ неудержимый смѣхъ, позволяетъ въ себя метать и самъ мечетъ словами, безчеститъ образъ Божій, и много сокровеннаго извергаетъ въ уши другихъ, и часто по всѣмъ направленіямъ разсыпаетъ клубящуюся пѣну

бурнаго гнѣва; нерѣдко же изъ злоумышляющаго внутренне сердца выносить привѣтъ и одно имѣть въ душѣ, а другое на устахъ, именно — ложь, ласковыя слова и убійства. Кто исчислить всѣ тѣ огорченія, какія причиняетъ языкъ? Если захочетъ, безъ всякаго труда, въ одну минуту, заставить враждовать домъ съ домомъ, городъ съ городомъ, народъ съ властѣлиномъ, царя съ подданными, какъ искра, мгновенно воспламеняющая солому. Плывающихъ на одномъ кораблѣ, сына, родителя, брата, друга, супругу, супруга — всѣхъ удобно вооружаетъ онъ одного противъ другого. Злого дѣлаетъ добрымъ, а добраго, напротивъ того, погубить, и все это опять переиначить. Кто переможетъ слово? Языкъ малъ; но ничто не имѣетъ такого могущества. О, если бы онъ тотчасъ омертвѣлъ у людей злыхъ!

У всякаго неразумнаго языкъ есть зло, но особенно можетъ быть зломъ у таинниковъ небесной жертвы. Я органъ Божій и въ благозвучныхъ пѣснопѣнїяхъ приношу славословіе Царю, предъ Которымъ все трепещетъ. Пою же не Трою, не счастливое плаваніе какого-нибудь корабля „Арго“, не свиную голову, не могучаго Иракла, не обширный кругъ земли, какъ онъ опоясанъ морями, не блескъ камней, не пути небесныхъ свѣтилъ. Пою не неистовство страстей, не красоту юношей, въ честь которыхъ бряцала изнеженная лира древнихъ. Нѣтъ, я воспѣваю царствующаго въ горнихъ великаго Бога или же сіяніе пресвѣтлой моей воедино сочетаемой Троицы. Воспѣваю высокія громогласныя пѣсни ангельскихъ ликовъ, какіе они, предстоя Богу, возглашаютъ попеременно. Воспѣваю стройность міра, еще болѣе совершенную, нежели какова настоящая, — стройность, которой я ожидаю, потому что все поспѣшаетъ къ единому. Воспѣвая нетлѣнную славу Христовыхъ страданій, которыми Христось обожилъ меня, срастворивъ человѣческой образъ съ небеснымъ. Воспѣваю смѣшеніе, усматриваемое во мнѣ; ибо я не какое-либо легко изъяснимое произведение; я — произведение, въ которомъ смертный сопряженъ съ небесными. Воспѣваю законъ Божій, данный человѣкамъ, и всѣ дѣла міра, также немѣренія и конецъ того и другого, чтобы ты одно соблюдалъ въ сердцѣ своемъ, а отъ другого бѣжалъ дальше прочь и трепеталъ грядущаго дня. Для всего этого языкъ мой долженъ быть какъ гусли.

Но остерегайтесь, іереи, чтобы онъ не прозвучалъ чего-нибудь нестройнаго. Буду хранить языкъ чистымъ и для чистыхъ жертвъ, посредствомъ которыхъ великаго Царя привожу въ общеніе съ земнородными. И не чуждымъ языкомъ, не оскверненнымъ умомъ буду возсылать Чистому животворящую жертву. Одинъ источникъ не даетъ сладкой и горькой струи. Порпуровой одеждѣ всего неприличнѣе грязь. Необычайный огонь погубилъ древле сыновъ жреца, которые прикасались къ жертвѣ нечисто. О священномъ же кивотѣ великаго Бога слышу, что онъ нѣкогда и наклоненный къ паденію убилъ прикоснувшася. Этого-то я сильно трепещу и боюсь, чтобы не потерпѣть мнѣ чего-нибудь, нечисто прикоснувшись къ чистой Троицѣ.

О если бы непотребный и непостоянный умъ, который мечется туда и сюда во многихъ суетныхъ порывахъ, могъ я, хотя цѣпною уздою, привести ближе къ цѣли и удержать въ сердцѣ совершенно свободнымъ отъ оболъщенія! Лучше же сказать, если онъ ближе будетъ къ великославному Христу, то озарится лучами великаго Свѣта. Да и теперь, будучи заключенъ внутри, менѣе дѣлаетъ зла, хотя бы и сталъ нѣсколько блуждать вдали отъ Бога. Когда пламень или потокъ загражденъ твердыми камнями, хотя клокочетъ внутри, но не губить частаго кустарника или нивы и, скрываясь въ камняхъ, живетъ полумертвый. Но слово, какъ скоро сорвется съ многозвучнаго языка, неудержимо буйствуетъ и не возвращается назадъ. Впрочемъ, если кривую вѣтвь, понемного разгибая руками, согнешь въ противную сторону, то она, освободившись отъ насилія руки, дѣлается прямою и не принимаетъ на себя прежней кривизны. Такъ и я, примѣтивъ, что стремительность бѣлаго слова не знаетъ ни вѣса, ни мѣры (тогда только была для меня и жизнь, когда было слово), избрѣлъ наилучшее врачевство: совершенно удержалъ слово въ высокоумномъ сердцѣ, чтобы языкъ мой научился наблюдать, что ему можно говорить и чего нельзя. Усвоивъ себѣ совершенное молчаніе, онъ усвоить доброрѣчіе. Я лишилъ его всего, и онъ не будетъ презирать мѣры. Да обратится это во всегдашній законъ для неумѣренныхъ!

И то великое пріобрѣтеніе, если сдерживаешь слово, готовое разразиться, когда совнѣ ударяють въ твое сердце. Укрощая слово, ты укрощаешь и волненіе гнѣва; и хотя не безъ труда, однако укротишь его. Если не даешь свободы языку, когда онъ кичится и приходитъ въ дикую ярость, но держишь его въ уздѣ, то отвратишь обиду. Съ покореніемъ вождя покорится царь страстей, и ты отдохнешь отъ мучительнаго тревоженія.

Для всего этого нужно руководство великаго Царя Христа, но потомъ нужно и кормило нашего ума. Если не Христось у тебя правителемъ, то ни къ чему не полезны и молчаніе твое, и даже еще большее терпѣніе. Если узкій истокъ озера, зажавъ руками, откроемъ опять, оно тотчасъ потечетъ. Напротивъ того, пресвѣтлое слово повелѣваетъ тебѣ, добрый мой, начавъ съ этого, удерживать токъ всѣхъ золь.

Таковы, любезнѣйшій, поученія моего безмолвія; такъ говоритъ тебѣ моя рука, выражающая мысли. Это — мое плаваніе; а ты поспѣшай къ другому плаванію. Всякій носится своимъ направленіемъ вѣтра.

Но если кому или изъ враговъ моихъ, или изъ доброжелателей угодно слышать другую причину моего молчанія, — вотъ она. Было время, когда имѣлъ я очень много твердости въ нравахъ. Христос-Царь велъ меня на противника, а въ сердцѣ у меня была вѣра тверже адаманта; отовсюду ограждался я крѣпкими стѣнами, неоскверненный умъ свой назидаль Божіимъ словомъ, извлекая духъ изъ священной буквы; а съ тѣмъ вмѣстѣ извергалъ изъ себя соленую горечь книгъ, читанныхъ мною и прежде; эту красоту, блестящую накладными прикрасами,

кипучую же плоть свою, пока цвѣла она юностію, изнурялъ многими и частыми трудами. Отнялъ у чрева наглость пресыщенія и неразрывное съ нимъ неистовство, утвердилъ око въ вѣждахъ цѣломудріемъ, пересилилъ гнѣвъ, связалъ члены, заградилъ смѣхъ. Все тогда покорилось Слову, все во мнѣ умерло. Голая земля была у меня ложемъ; боль въ бокахъ, жесткія одежды служили пособіемъ къ бдѣнію и извлекали у меня слезы; днемъ стибалъ я свой хребетъ и во всенощныхъ пѣснопѣніяхъ стоялъ въ прямомъ положеніи, не зная свойственной людямъ привязанности къ удобствамъ жизни. Такъ было тогда, потому что кипѣла еще во мнѣ плоть, которая обыкновенно усиливается остановить великій свѣтъ въ небесномъ его восхожденіи. Свергъ я съ себя и тяжелое бремя земныхъ стяжаній, чтобы, стряхнувъ всякую тяжесть, облегченному возноситься къ Богу.

А теперь, когда постигла меня жестокая болѣзнь и изнурила старость, впалъ я въ новое злостраданіе. У меня неукротимый и доброрѣчивый языкъ; онъ-то всегда предавалъ меня множеству напастей руками завистника. Я не дѣлалъ нашествій ни на чьи престолы, никого не изгонялъ изъ отечественной страны, не строилъ козней, не поражалъ злорѣчіемъ, ничего не дѣлалъ противнаго закону нашихъ жертвъ (это извѣстно Слову), не оскорблялъ ни епископа, ни кого-либо другого; потому что негодую на всякаго народнаго вождя, о которомъ идетъ подобная молва (а такихъ вождей, къ сокрушенію моего сердца, полны нынѣ море и широкіе предѣлы земли). Но мнѣ повредило недоброе слово. Я не думалъ этого прежде, однако жъ оно повредило, ибо возбудило ко мнѣ зависть во всѣхъ друзьяхъ.

А для того чтобы попользоваться чѣмъ-нибудь отъ меня и тебѣ, зависть, умолкни, любезный языкъ, умолкни ненадолго. Я не свяжу тебя навсегда; этого не получитъ отъ меня ненавистникъ слова.

Сказываютъ объ одномъ Самосскомъ царѣ [Поликратъ — ред.], который во всемъ имѣлъ успѣхъ, что онъ, въ угожденіе зависти, самъ себѣ причинилъ огорченіе и любимое отцовское кольцо бросилъ въ море. Но рыба, проглотившая его, попалась въ сѣть; рыболовъ принесъ рыбу къ царю, царь отдалъ служителю съ кольцомъ, которое было въ ея внутренности; и рыбу приняло въ себя чрево, а кольцо получила рука. Удивительное дѣло! Царь хотѣлъ огорченія, но не нашелъ его.

Такъ и со мною. Зависть всегда смотритъ на мое слово дикими глазами; потому избралъ я для себя глубину молчанія и доселѣ подражаю Самосцу. Но не знаю ясно, что будетъ завтра, худой или добрый встрѣтитъ меня конецъ.

Ты, Врачевство человѣковъ, останови зависть и, освободивъ меня отъ жестокихъ языковъ, введи во свѣтлость Свою, гдѣ бы я, величая Тебя съ присноживущими-ми светами, могъ возглашать устами стройную пѣснь.

Прими же эти безгласныя вѣщанія руки моей, чтобы былъ вѣщій памятникъ моего безмолвія.